

Ся Хуайянь кивнул. Он подумал и всё же не стал произносить вслух фразу «вы хороший человек»: в каком-то смысле для Цзи Цинье эти слова могли прозвучать не совсем вежливо.

В конце концов он лишь произнес:

— Спасибо вам.

Ся Хуайянь не стал смотреть на лицо Цзи Цинье — он лишь почувствовал, как руки, обнимавшие его, крепче сжались, стоило ему закончить фразу.

Линь Фэн вскоре ушел, и как раз когда они вернулись в комнату, дождь за окном затих.

Потоки дождевой воды, стекавшие по стеклу, казались крошечной пеленой ливня посреди темной ночи, стирая грань между реальным и иллюзорным.

Стоило погрузиться во щупальца темноты, как у Ся Хуайяня на уровне рефлексов проснулся страх. Он вцепился в воротник одежды Цзи Цинье и инстинктивно спрятался в его объятиях, не смея издать ни звука.

Цзи Цинье, уже было собравшийся опустить его на пол, замер на мгновение, а затем прижал парня к себе еще надежнее.

Щелкнул выключатель, и комнату мгновенно залило светом. Только тогда Ся Хуайянь осмелился открыть плотно зажмуренные глаза и, независимо от того, услышал его Цзи Цинье или нет, тихонько поблагодарил его.

Выключатель у двери нашелся сразу, нашелся и второй — у изголовья кровати. Видимо, из-за пережитой паники он не заметил его раньше.

Воспоминания об этом были слишком тусклыми, вызывая легкое чувство досады.

Ся Хуайяню стало еще неловко. Подойдя к кровати и обувшись, он заметил, что Цзи Цинье все еще здесь, слегка замер, повернулся к нему и сказал:

— Я хочу сходить в ванная умыться, если у вас, Цзи-цзун, есть дела, можете идти...

Чтобы мужчина не переживал, он даже добавил:

— Мне уже лучше, я больше не буду плакать, вам не нужно обо мне беспокоиться.

Он плеснул на лицо пригоршню холодной воды, но жар на щеках лишь усилился, никак не

желая утихать.

Интуитивно он чувствовал, что не должен испытывать подобных чувств к человеку, с которым едва знаком и который по сути остается для него чужаком.

Он протянул руку, коснулся губ и внезапно вспомнил вчерашний поцелуй с Цзи Цинье.

Он не понимал, почему Цзи Цинье так хорошо к нему относится, ведь тот явно мог и не проявлять столько заботы.

Он был слишком жадным: хотя этот человек и так сильно ему помог, ему хотелось получить от него еще больше.

Пробыв в ванной еще несколько минут, Ся Хуайянь вышел. Цзи Цинье, который, по идее, давно должен был уйти, по-прежнему стоял на прежнем месте.

Стоило закрыть дверь, как лицо Ся Хуайяня мгновенно вспыхнуло до предела.

Цзи Цинье молчал, и Ся Хуайянь, встретившись с ним взглядом, неуверенно улыбнулся и спросил:

— Что такое?

Сердце стучало так громко — тук-тук, тук-тук, — что казалось, вот-вот выпрыгнет из груди.

Ся Хуайянь поднял взгляд на собственное отражение в зеркале: слегка осунувшееся лицо выглядело уставшим, глаза потеряли прежний блеск. Ради поддержания формы он всегда был строг к себе, но всего за один день нарушил столько запретов, и единственным ярким пятном на его лице оставались пунцовые губы.

Как бы он ни пытался сохранять невозмутимость перед Цзи Цинье, его сердце все равно бунтовало, отказываясь подчиняться.

Кажется, он действительно заболел, и болезнь эта была вполне реальной.

Закончив фразу, Цзи Цинье вновь вернул себе холодное выражение лица. Ся Хуайянь не понял, что именно в его словах вызвало недовольство мужчины, но, получив безмолвное разрешение, медленно и нерешительно шагнул в ванную.

Так дело не пойдет, нужно срочно взять себя в руки и успокоиться.

Прекрасно понимая, что такое состояние не к добру, Ся Хуайянь все равно ничего не мог с собой поделать. Ощущения рядом с Цзи Цинье были слишком странными — с подобным ему еще никогда не доводилось сталкиваться.

В комнате витал едва уловимый запах лекарств — судя по всему, он остался после дневной капельницы.

Ся Хуайянь слегка испугался: его лицо и пряди у висков все еще были мокрыми и растрепанными. Полагая, что в комнате никого нет, он хотел вести себя непринужденно, но, заметив, что Цзи Цинье все еще здесь, тут же поднял руку и торопливо растер лицо ладонями.

При мысли о том, что эта забота очень скоро исчезнет, сердце Ся Хуайяня, только что вспорхнувшее от тепла чужого внимания, камнем рухнуло на самое дно.

Ся Хуайянь обладал довольно чувствительным обонянием и не очень-то жаловал подобные запахи. Он морщил носик, но старался не выказывать отвращения.

Ему хотелось открыть окно, но хозяин дома находился прямо перед ним, и Ся Хуайянь не смел самовольно ничего менять в обстановке комнаты, даже несмотря на то, что именно Цзи Цинье велел ему здесь жить.

Поэтому он смущенно произнес:

— Разве вы только что не обсуждали с господином Линем рабочие вопросы, Цзи-цзун?

Сказав это, он испугался, что Цзи Цинье поймет его неправильно, и поспешно пояснил:

— А, я ничего такого не услышал! Просто подумал, что вы, должно быть, очень заняты. Со мной уже всё в порядке, здоровье поправилось, и сил прибавилось, так что вам не нужно дежурить здесь, я больше не упаду в обморок.

Он заговорил гораздо быстрее обычного. В глазах Цзи Цинье этот молодой человек, жестикулируя и путаясь в словах, оправдывался перед ним лишь с одной целью — поскорее выставить его за дверь.

Ся Хуайянь не знал, о чем думает мужчина: после всех его слов тот по-прежнему неподвижно стоял на месте.

Было очевидно, что продолжать в том же духе неуместно.

— Так спешишь меня выпроводить? Собираешься спать в этой комнате?

Услышав вопрос мужчины, Ся Хуайянь машинально кивнул, а затем, сообразив, в чем дело, испуганно замотал головой:

— Нет...

Сам он толком не понял, что именно означало это его «нет» — то ли он не выгонял гостя, то ли не собирался оставаться в этой комнате, но следом он услышал слова Цзи Цинье:

— Это моя спальня.

— Ах...

Лицо Ся Хуайяню сегодня было суждено сгореть дотла — оно то и дело пылало жаром, сменяющимся прохладой.

Ся Хуайянь оглянулся на постель, которую из-за пережитого страха превратил в полный беспорядок, и его сердце наполнилось неизъяснимым смущением.

Он и вправду понятия не имел, что это спальня самого Цзи Цинье, наивно полагая, будто перед ним обычная гостевая комната.

Теперь-то стало очевидно, что для гостевой комнаты она слишком велика.

— Тогда я... я пойду. Цзи-цзун, мне очень-очень жаль! Я сниму постельное белье и постираю его, правда, простите.

Он сыпал извинениями, сбившись со счета, в который уже раз за сегодня произнося слова сожаления.

Цзи Цинье вглядывался в робкого, чуть ли не раболепствующего перед ним парня, и в глубине его глаз мелькнули сложные эмоции, которые тут же исчезли.

Ся Хуайянь, похоже, даже не осознавал, насколько его привычка извиняться по любому поводу похожа на безусловный рефлекс человека, которого слишком часто обижали.

— Садись вон туда.

Ся Хуайянь с недоумением посмотрел на него, услышав в ответ:

— Нужно обработать рану на ноге.

— Не нужно, не нужно, царапина неглубокая, она сама заживет, не стоит утруждаться из-за меня.

— Сам-то видишь, как медленно все заживает?

Слова мужчины заставили Ся Хуайяня изумиться и на секунду выпасть из реальности.

У него действительно был организм, на котором любые повреждения заживали с трудом.

Синяки и ссадины, которые у обычных людей проходили за десять дней или полмесяца, у него исчезали очень долго.

Но откуда Цзи Цинье об этом знал?

Его усадили на стул, а пока он раздумывал, мужчина достал из ниоткуда аптечку.

Ся Хуайянь был польщен и ошеломлен.

Он совершенно не привык к подобному — эта нежность казалась чем-то чуждым, не предназначенным для него.

— Я сам, я лучше сам.

Опасаясь, что мужчина и впрямь собирается лично заняться его ранами, Ся Хуайянь в панике протянул руку, желая оттолкнуть его, но случайно коснулся кончиками пальцев тыльной стороны чужой ладони — и тут же был перехвачен.

Ся Хуайянь инстинктивно попытался выдернуть руку, но его сил не хватило.

Его ладонь держали крепко, а длинный указательный палец мужчины мягко лег на внутреннюю сторону его запястья.

Немного щекотно, немного горячо.

Ся Хуайянь поднял на него взгляд. Взгляд мужчины был невесомым, словно пушинка, но пал точно в цель, прямо в поле его зрения.

Тот не произнес ни слова, и взгляд его был легок, как перышко, но в ту же секунду Ся Хуайянь почувствовал, что словно онемел и не может пошевелиться.

Мужчина присел на корточки перед ним, и даже в таком положении его высокая фигура казалась надежной и внушающей чувство безопасности.

Но подобное действие совершенно не вязалось с его статусом — выглядело это непривычно и чуточку неловко.

Ся Хуайянь помедлил и больше не пытался сопротивляться. Послушно опустив глаза, он наблюдал, как мужчина ловко открывает спрей с лекарством и его прохладные пальцы осторожно касаются его колен.

Он чуть съежился, растерянно моргая.

Из ранки кольнуло легкой болью, Ся Хуайянь закусил губу, не позволяя себе издать ни звука, отчего в глазах тут же заблестели слезы.

— Потерпи, — Цзи Цинье привык быть холодным и жестким с людьми, и тон, сорвавшийся с губ без раздумий, прозвучал суховато и отстраненно. Заметив реакцию парня, он бросил на него быстрый взгляд, и его голос тут же смягчился, зазвучав почти ласково: — Скоро пройдет.

— Угу, — дыхание Ся Хуайяня сбилось от боли. Желая показать свою стойкость, он пробормотал, то ли убеждая Цзи Цинье, то ли самого себя: — Совсем не больно, я могу потерпеть.

И в то же время украдкой, там, где Цзи Цинье не мог видеть, смахнул с лица слезы.

Силуэт юноши слился с его собственной тенью, и Цзи Цинье, бросив на него задумчивый взгляд, отвел глаза.

Подождав немного, он поднялся.

Ся Хуайянь как раз успел вытереть слезы, а Цзи Цинье в этот момент встал с пола и произнес:

— Спускаемся, ужинать.

Стоило Цзи Цинье договорить, как Ся Хуайянь тут же вскочил на ноги. Боясь, что мужчина снова вздумает нести его на руках, он поспешил вперед, шагая с превеликой осторожностью, и с улыбкой завел пустой, ни к чему не обязывающий разговор:

— Вы уже поели?

Его тон был предельно почтительным, а в улыбке сквозила легкая, робкая паника.

Цзи Цинъе едва заметно кивнул, но не стал ускорять шаг, а медленно пошел следом за Ся Хуайянем, больше не пытаясь его поддерживать.

Хотя нога ныла от боли, Ся Хуайянь знал, что может идти быстрее.

Вот только поведение Цзи Цинъе сбивало его с толку.

Мысли Ся Хуайяня текли медленнее, и ноги тоже шагали все медленнее и медленнее.

Опираясь на перила лестницы, он заметил, как тени — его собственная и мужчины — то сливались, то расходились на ступенях, и от этого сердце вновь начинало отчаянно колотиться.

Сегодня он сам был странным, и Цзи Цинъе этим вечером тоже вел себя странно.

Днем тот, конечно, не был к нему плох, но и не проявлял такой заботы.

Прошло всего полдня, что же могло измениться?

Станет ли Цзи Цинъе возиться с ним, нянчиться и обнимать только потому, что ему стало жалко жалкого, обиженного судьбой парня?

Неописуемое чувство защемило сердце. Когда нога Ся Хуайяня коснулась последней ступеньки, он чуть было не поддался порыву — не удержался и обернулся, чтобы во всем разобраться.

Спросить, почему тот так добр к нему, и попросить больше не быть с ним таким добрым.

Ведь это он, Ся Хуайянь, просил о помощи, но сейчас поведение Цзи Цинъе выглядело так, будто это сам мужчина умолял его о чем-то.

Это пугало.

У него и так ничего не осталось, он больше не мог так легко открывать свое сердце и делиться им с другими.

Поддаваться мимолетному теплу — это проявление бесстыдства.

— Ся Хуайянь.

Мужчина неожиданно окликнул его по имени и фамилии. Ся Хуайянь не успел спрятать

одинокое выражение лица, сменившееся дежурной улыбкой, когда он поворачивался.

Подняв голову, он мягко улыбнулся и тихо спросил:

— Что такое, Цзи-цзун?

—...

Цзи Цинье явно хотел что-то сказать ему, но Ся Хуайянь понятия не имел, что именно.

Все вокруг твердили, что тот — человек решительный и беспощадный, но Ся Хуайяню казалось, что в Цзи Цинье нет никакой решимости.

Пару секунд спустя мужчина произнес нечто совершенно непостижимое:

— Это я помог тебе.

Ся Хуайянь опешил, но тут же искренне кивнул и слегка поклонился:

— Цзи-цзун, огромное вам спасибо.

От этого искреннего поклона лицо Цзи Цинье стало еще более непроницаемым, словно на нем сменилась вся погода разом, и лишь затем он глухо произнес:

— Линь Фэн — это господин Линь, а я — просто Цзи-цзун.

<http://bllate.org/book/22055/2293385>